

Фалькина Т. Ю., доцент кафедры теории и истории государства и права Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург), кандидат юридических наук, майор полиции;

Виноградова О. П., старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург), кандидат юридических наук, майор полиции

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОЙ (ДУХОВНОЙ) БЕЗОПАСНОСТИ

В настоящее время мир, отодвинув на второй план угрозу ядерной катастрофы, столкнулся лицом к лицу с проблемой международного терроризма. Террор — явление не новое, но сегодня он приобрел несколько иные черты, выступая как международная организация, объявившая войну нескольким государствам, в том числе и нашему. Улучшение организации взаимодействия и координации антитеррористической деятельности субъектов обеспечения национальной безопасности становится насущной проблемой руководства силовыми структурами России. Утвердив Концепцию национальной безопасности, государство определило основные направления национальной безопасности и приоритеты национальной политики во внутривнутриполитической, социальной, духовной, информационной и других сферах, отдавая приоритет конституционным правам и свободам человека, безопасности личности. Государство должно стремиться нейтрализовать причины и условия, способствующие возникновению конфликтов, политического и религиозного экстремизма, «межэтнических и религиозных конфликтов»ⁱ. В связи со сложностями межгосударственных отношений представляется целесообразным подготовка и принятие своеобразного кодекса поведения государств в борьбе с международным терроризмом. Крайней формой антигосударственной активности являются политический экстремизм и терроризм под исламскими лозунгами. Особую опасность при этом представляет «освящение» криминальных целей религиозными доктринами. В данном случае религиозные нормы, переплетаясь с криминальными обычаями и традициями, превращаются в элемент преступной субкультуры, идеологически обеспечивающей деятельность этнических преступных группировок. Если основными союзниками России в борьбе с международным терроризмом на военном, финансовом, организационном, информационном уровнях являются США и страны Запада, то главным союзником нашей страны в идейно-теоретическом противостоянии исламскому терроризму выступают умеренные мусульманские режимы и авторитетные центры просвещенной исламской мысли. В ряде исламских стран ответственность за терроризм установлена в виде смертной казни в соответствии с мусульманско-правовыми принципами по аналогии с предусмотренным шариатом наказанием за выступление против законной властиⁱⁱ.

Таким образом, следует отметить, что позиция российского государства по отношению к исламско-правовой культуре нуждается в пересмотре. В настоящее время шариат воспринимается властными структурами как символ исламского фундаментализма и сепаратизма. Власти безоговорочно отрицают какую-либо возможность обращения к его положениям, продолжают рассматривать его исключительно в качестве пережитка. Между тем, у мусульманско-правовой культуры имеется немалый позитивный потенциал, который при строгом соблюдении Конституции вполне может найти свое место в правовом развитии ряда субъектов нашей страны. Использование этого потенциала может дать дополнительный импульс социальной активности ислама. В качестве позитивного примера можно назвать мусульманско-правовой институт вакфа, получивший признание в принятом в 1999 г. в Татарстане законе о свободе совести и о религиозных объединениях.

При отсутствии в нашей стране традиций и опыта функционирования государственных институтов в условиях идеологического и политического плюрализма данная проблема требует научной проработки с учетом российской специфики и поиска практических решений. Проблемы, возникающие при контактах сотрудников ОВД с религиозными объединениями, и материалы, отражающие опыт этой работы, пока не обобщены, не

проанализированы в соответствующих научных исследованиях. Отсутствуют достаточно четкие и ясные рекомендации по этим проблемам. Таким образом, проблемы взаимодействия ОВД с религиозными объединениями пришли на 90-е годы прошлого века и сегодня находятся в стадии активного обсужденияⁱⁱⁱ. Еще в 2004 г. Президент России В. В. Путин на совещании по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений отметил, что «в России, как ни в одном другом месте на земле, межконфессиональный и межнациональный мир, традиции межконфессионального мира являются основой нашей государственности в прямом смысле этого слова»^{iv}. На открытии Всемирного саммита религиозных лидеров В. В. Путин также акцентировал внимание на многочисленных попытках расколоть мир по религиозному или этническому признаку, вбить клин между христианским и исламским сообществами: «Миру фактически навязывается конфликт цивилизаций и надо в полной мере отдавать себе отчет, к каким катастрофическим последствиям такая конфронтация могла бы привести»^v. Кроме того, начало XXI в. ознаменовалось активизацией агрессивного национализма, усилением разных форм экстремизма, сильными вспышками интернационального терроризма. В процессе политической, военной и этнической мобилизации авантюристические группы стремятся использовать религиозные лозунги и постулаты, а обострившиеся в последнее время межконфессиональные противоречия мешают религиозным центрам объединить усилия в борьбе с силами, нарушающими мир и стабильность в обществе.

В последнее время в России широкое распространение получили новые религиозные движения, которые активно контактируют с привычными религиозными направлениями. Существование подобных организаций неразрывно связано с различными правонарушениями: от принуждения лица к отчуждению своего имущества в «добровольном порядке» в пользу секты либо ее отдельных представителей верхушки власти до совершения самых серьезных преступлений в процессе проведения ритуальных действий (например, жертвоприношения людей и животных)^{vi}. Данные негативные последствия деятельности отдельных религиозных организаций обоснованно вызывают беспокойство российской общественности, поскольку в результате разрушаются духовно-нравственные основы общества, сложившиеся за более чем тысячелетнюю историю православной Руси. Из-за отсутствия правовой базы, необходимых кадров, финансовых средств, методик и навыков противостояния и борьбы с тоталитарными сектами государство не может поставить серьезный барьер их распространению^{vii}.

Кроме ритуальных, преступники часто совершают и провоцируют «обычные» преступления, например: с вовлеченных подростков требуют деньги, подталкивая их на кражи у родственников; заставляют выкупать жилплощадь и оформлять завещание на секту; нападают на неугодных лиц (как своих, так и посторонних)^{viii}.

В наши дни отмечается смена изначальных установок сотрудников ОВД на силовые способы разрешения конфликтных ситуаций в условиях межэтнического противостояния и формирование ориентаций на ненасильственные действия в миротворческих операциях по защите и поддержанию правопорядка. Значение такой смены установок особенно важно при коммуникативных актах в условиях длительной межэтнической напряженности^{ix}.

Особую тревогу как у РПЦ, так и у МВД России вызывают такие явления, как терроризм, экстремизм, коррупция, наркомания, безнравственность, рост беспризорности и правонарушений со стороны несовершеннолетних; направленная против личности деятельность тоталитарных, деструктивных сект, сатанистских культов, а также другие негативные тенденции, основанные на ложном понимании свободы и прав человека как вседозволенности и распушенности. Рост проявления экстремизма на национальной и религиозной почве в России и в государствах СНГ вызывает обостренную тревогу в обществе, угрожая основам конституционного строя, подрывая социальную стабильность и межнациональный мир в стране.

Совершенствование правового обеспечения деятельности ОВД по противодействию религиозному экстремизму и терроризму предполагает разработку, принятие и издание нормативных правовых актов, регулирующих деятельность ОВД по пресечению противоправной деятельности религиозных экстремистских и террористических

организаций, а также укрепление нормативно-правовой базы деятельности ОВД по профилактике, предупреждению, предотвращению и пресечению преступлений на религиозной почве.

Толерантность, прежде понимаемая как инструмент предотвращения нежелательных социальных конфликтов, стала одной из фундаментальных ценностей современного мира. Толерантность принадлежит к основным проблемам, без рассмотрения которых, в сущности, невозможно глубокое понимание бытия, в том числе его национального и конфессионального измерения. Пережив межнациональные, межэтнические, межрасовые, межрелигиозные и другие конфликты, люди все больше и больше приходят к выводу, что «существует только один путь обеспечения надежного мира и безопасности — путь толерантности, то есть терпимости, умения без применения насилия преодолевать конфликты и достичь согласия»^x. Задача формирования толерантности не может быть решена вне соответствующего видения национальной реальности и нравственно-религиозной ее оценки, в связи с ростом фундаменталистских и экстремистских тенденций, шовинизма, политизации религиозной жизни. На этом фоне толерантность вовсе не означает вседозволенность и безразличие.

Религиозные организации располагают большими возможностями для сглаживания сложившихся межконфессиональных и этнополитических противоречий и формирования толерантности в целом. С целью эффективного использования этих возможностей необходимо в первую очередь добиваться устранения межконфессиональной нетерпимости и обеспечить взаимодействие между вероисповедательными сообществами. Один из известных западных теологов Г. Кюнг отмечал, что «мира между нациями не может быть без мира между религиями, а мира между религиями не может быть без диалога между ними»^{xi}. Выдвигаемые планы создания единой общечеловеческой религии, способной изжить нетерпимость и установить взаимопонимание между народами, на наш взгляд, утопичны.

Важнейшим условием национальной безопасности является независимость ее внутренней и внешней политики от влияния и давления иных государств. Концепция национальной безопасности выделяет в качестве важнейшего условия безопасности «...обеспечение гражданского мира и национального согласия, территориальной целостности, единства правового пространства, правопорядка». «Национальные интересы в духовной сфере состоят в сохранении и укреплении нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны»ⁱ. Иначе говоря, речь идет о сохранении и упрочении целостности государства в его территориальном, культурно-историческом и духовном пространстве. Это предполагает свободу от угроз экстремизма, терроризма, любых форм насилия, межэтнической, межрелигиозной и межконфессиональной вражды.

В связи с этим, социальная безопасность должна включать в себя и понятие «религиозной (духовной) безопасности», само определение которой только начинает разрабатываться в гуманитарных науках, хотя вопрос о духовных угрозах в России сегодня стоит особенно остро. От юристов в значительной степени зависит духовная безопасность гражданского общества, создание совершенной законодательной базы, способной защитить граждан страны от экспансии сектантов, а также от религиозного экстремизма.

ⁱ Указ Президента РФ «О концепции национальной безопасности Российской Федерации» от 10 января 2000 г. № 24 // СЗ РФ. — 2000. — № 2. — Ст. 170.

ⁱⁱ Сюкияйнен Л. Р. О правовых средствах борьбы с исламским экстремизмом и основных направлениях государственной политики в отношении ислама // <http://sova-center.ru>. Режим доступа: 13.05.2014.

ⁱⁱⁱ Иванов В. И. Организационно-правовые проблемы взаимодействия руководителей ОВД с религиозными объединениями в укреплении правопорядка и нравственном воспитании сотрудников: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2000. — С. 3.

^{iv} Гусаева К. Г. Межнациональные и межконфессиональные отношения в Дагестане: от конфликтности к стабильности: Дис. ... д-ра филос. наук. — Дагестан, 2006. — С. 3.

^v Выступление В. В. Путина на открытии Всемирного саммита религиозных лидеров // <http://www.v.rcligarc.ru/article3195.htm>.

-
- vi Клибанов А. И. Религиозное сектанство и современность: Социологические и исторические очерки. — М., 1999. — С. 295.
- vii Виноградова О. П. Религиозные аспекты современного российского права: Дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2011. — С. 127.
- viii Зыкова С. В. Роль религиозного воспитания в становлении профессионального правосознания сотрудников ОВД // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности ОВД: Межвузовск. сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей. — М., 2004. Ч. 1. — С. 85–86.
- ix Авдеева М. В. Межкультурная коммуникативная компетентность сотрудников органов внутренних дел в сфере международного сотрудничества: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 2007. — С. 24.
- x Гаджимирзаев М. М. Этноконфессиональная толерантность как фактор обеспечения мира и безопасности на Северном Кавказе: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. — Ставрополь, 2003. — С. 12.
- xi Государственно-церковные отношения в России. — М., 1996. — С. 108.